

Александр Эл

МОТИВАЦИЯ

16+

Александр Эл
Мотивация

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Эл А.

Мотивация / А. Эл — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Пятнадцатилетний подросток, не окончив школу, попадает работать во взрослый коллектив. Зачем учиться, если и без этого можно зарабатывать деньги и стать независимым?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	8
Глава четвертая	10
Глава пятая	12
Глава шестая	13
Глава седьмая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Эл

Мотивация

Глава первая

Попаданец

– Без уважительной причины! Второй раз. Второй раз за неделю, без уважительной причины! На целых пять минут! Это никуда не годится. После смены останешься и отработаешь. И за прошлые пять минут тоже! – Наставник с укоризной смотрел на Егора. – Ты, конечно, можешь и не учиться в школе, но норму! Норму обязаны выполнять все!

Сказать было нечего. Егор тупо смотрел в пол. Он действительно, уже во второй раз за неделю, опаздывал на целых 5 минут. Чем больше он «выполнял норму», тем меньше понимал, зачем это нужно, и почему так важны эти пять минут.

– Ты хоть понимаешь, сколько телевизоров выпускает этот завод за 5 минут рабочего времени, которые ты у завода, похитил?

Наставник выглядел точно так же, как на доске почёта. Правда, там он был в костюме, но такой же солидный, с роскошными усами, как на рекламе парикмахерской, и весь нереально уважаемый. Именно так должен выглядеть рабочий класс, – подумал Егор, когда впервые его увидел, повезло! Три месяца назад его привели в цех и сказали, – вот твой учитель, наставник, он будет делать из тебя человека.

– Извиняюсь спросить, сколько Вам лет, молодой человек? – посмотрев на Егора, спросил Наставник.

– 15 лет, уже исполнилось. Здравствуйте, меня Егором зовут. А, как мне к Вам обращаться?

– Это хорошо, что вежливый, – наставник недоверчиво разглядывал Егора. Как обращаться? Ну, я же наставник, ну вот и обращайтесь – Наставник. Так, сколько Вам говорите лет, пятнадцать? Извиняюсь спросить, а где Ваши родители?

– На работе, наверное...

– Извиняюсь спросить, кем они работают?

– Инженеры, и мать и отец.

– Извиняюсь спросить, у вас в семье, наверное, денег не хватает, раз Вы здесь?

– На счёт денег, не знаю...

– У нас в цеху уже есть один пятнадцатилетний. У него, бандиты убили отца, он милиционером был. Теперь вот сын матери помогает, и младшей сестре. Им деньги нужны. Я это понимаю. А Вы, я извиняюсь, здесь зачем? В 15 лет, нужно в школе учиться. У нас в стране, детский труд запрещён. Тот малец рассказал, что все исполкомы прошёл, чтобы в 15 лет работать разрешили. Это же особый случай, специальное разрешение требуется ...

– Вот что Егор, передай своему отцу, что он делает большую ошибку. Это неправильно. Ты должен закончить школу. Потом будет очень трудно, – классная делала вид, что волнуется, – я не помню такого случая, чтобы родители сами забирали ребёнка из школы и вместо этого отправляли работать. В этом нет никакой необходимости. Скажи ему, что ты не самый худший в классе. Пусть даст тебе доучиться.

Егор молча слушал и думал, что не верит ни одному её слову. Вот сейчас, она говорит гадости про папу, а раньше жаловалась папе на меня. Каждый месяц ходила по квартирам и надоедала родителям. Они её слушали, терпели и ещё чаем поили. А потом весь вечер ругались.

Последний раз был вообще вопиющим, и папино терпение лопнуло. Он сказал, что больше её видеть не хочет, и избавит семью от неприятностей.

Я тогда тоже сглупил, думал Егор. Хотел пошутить, и попался. Принёс в школу маленькую гантель из дома. Она очень незаметно пряталась в рукаве. Потом, ка-ак шарахнешь по парте! Остаётся вмятина. А все думают, что я это рукой так. Шарахнул в коридоре по подоконнику, а классная, застучала. Принесла гантель родителям домой, и не сама, а специального мальчишку с собой взяла, чтобы гантель нёс. Вроде бы она тяжёлая. Врёт всё, гантель совсем не тяжёлая, в рукаве пряталась. Это она нарочно, чтобы родителям обиднее было. Ну, вот у папы терпение и лопнуло.

А сейчас она говорит, «твой папа ошибку делает...». Никаких ошибок! Папа всё делает правильно! Больше ты по квартирам шастать не будешь! Я теперь взрослый, самостоятельный. Буду сам деньги зарабатывать!

– Меня на завод на перевоспитание прислали. Папа хочет, чтобы я был таким как он. Он тоже начинал учеником слесаря-инструментальщика.

– На перевоспитание? – глаза Наставника округлились, – а как же школа? Там, что ли не воспитывают больше? А родители? Я своих детей сам воспитываю. Вы, извиняюсь, учиться дальше, думаете?

– Не знаю пока, наверное, в вечернюю школу пойду.

– Ну, вот что, я извиняюсь спросить, ты наверное – фрукт, раз в школе не учишься? Да ещё блатной какой-то, через задницу. Все, своих наверх, в институты ташат, а тебя значит, наоборот, к нам на перевоспитание! Ты своему папе передай, что у нас тут, не колония для несовершеннолетних! Мы тут работаем! Ишь, придумали, перевоспитание! За кого это, они меня принимают? Я сейчас к начальнику цеха пойду, мне такие ученики не нужны! Студент, блин!

Ну вот, опять. Егор совершенно не понимал, чего все от него хотят. Делает то, что ему говорят, идёт куда скажут. Чего они все прицепились?

Глава вторая

Пилите, пилите

– Вот, это твоё рабочее место. Вот этот верстак, и эти тиски, твои. Держать в порядке, рабочее место убирать за собой. Понял? – Наставник, после разговора с начальником цеха, был уже более миролюбивым, – сказали проверить твои способности.

Он принёс откуда-то, наверное подобрал из брака, железную болванку килограмм на десять, огромный, в полметра напильник и маленький железный угольник.

– Ставлю задачу. Вот этим напильником пилишь эту болванку, так, чтобы был прямой угол. Угольником проверяешь угол, и чтобы просвета не было. Вопросы есть?

– Есть вопросы. Сколько нужно спилить? – болванка была толщиной сантиметров восемь. Егор решил, что задача – спилить, как можно больше. Он вспомнил книгу, где два чудака пилили чугунные гири, думая, что внутри золото.

– Ты пили, сколько хочешь, главное, чтобы угол прямой был. Руку набивай, понял?

– И долго так пилить?

– Это, как у кого пойдёт. Кто месяц пилит, кто год. Ты с разговорами заканчивай, просто бери и пили.

Ну да, как в той книжке, «пилите, пилите...» Месяц, или год? Что же это за учёба такая, – подумал про себя Егор.

– Извините, ещё один вопрос, а когда учёба начнётся?

– О-о, я вижу ты любитель поговорить. Учатся, в школе! А здесь работают. Кончай сачковать, и чтобы в курилку каждые 5 минут не бегал. Завтра утром доложишь, чего достиг.

Каждый утро Егор приносил Наставнику болванку и получал очередной разнос. Выяснилось, что у Егора нет никакого таланта к слесарному делу, и вообще нет никаких талантов, что он лодырь и потенциальный прогульщик, и балласт на теле пролетариата. И что пилить ему ещё, и пилить...

Егор пилил, час за часом, день за днём, и уже третий месяц подряд. Как он не старался, прямой угол не получался, и улучшения почти не происходило. Постепенно накапливалась неприязнь и к напильнику, и к болванке, и к тискам. Тупая работа становилась всё более ненавистной. Вспоминалась школа, друзья-товарищи, и конечно девчонки. Особенно одна губастенькая, Танька. Он даже, однажды, провожал её домой. Правда, шёл по противоположной стороне улицы, а она видела, хоть и не смотрела в его сторону. Назавтра, увидев в школе Егора, Танька покраснела, как будто они делали что-то, что нужно скрывать...

– А, чего это ты вчера мой верстак не убрал? – прервал мысли рабочий, чей верстак был рядом с верстаком Егора.

Все его называли Матросом. Наверное, из-за того, что вместо обычной спецовки он носил тельняшку, как у моряков. Тельняшка была истрёпанная и грязная особенно на животе. Лет ему было немного, говорили, что он ещё недавно служил на флоте и тоже пришёл в цех учеником.

– Я убрал.

– Значит, плохо убрал! Который месяц терплю, а ты никак не научишься. Экая ты бестолочь, смотреть противно! Только и думаешь, как сачкануть. Я же тебя насквозь вижу!

– Я больше не буду, – гундосил Егор, – я исправлюсь.

Теперь его мысль работала только на то, как побыстрее смыться в курилку.

Глава третья

Всё по-взрослому

Егор не курил и запах дыма не любил, но это была единственная возможность, хоть на несколько минут бросить напильник и отойти от ненавистной болванки. Перекуры были разрешены официально. Каждый час давалось пять минут, чтобы сходить в туалет и перекурить. Перекуры частенько затягивались, пока мастер не разгонит. Курилка была единственным местом, где можно было хоть что-то узнать. Там рассказывали похабные анекдоты, разные истории из жизни, и про баб. Егору приходилось прикидываться курящим, чтобы не думали, что он тут что-то вынюхивает. Он даже обзавёлся пачкой самых дешёвых сигарет. Но и их надолго не хватало, всегда находились желающие стрельнуть сигаретку.

– Евсеич, скажи, встречал ли ты в жизни, хоть одного честного человека?

Евсеич работал фрезеровщиком, а когда-то давно был секретарём обкома компартии. Здесь, на заводе, ему определили последнее пристанище. Из партии исключили и отовсюду выперли. Говорили, что он погорел на бабах, которым давал квартиры за то, что имел их прямо в своём обкомовском кабинете. История была старой, но Евсеич особенно и не скрывал. Ему нравилось рассказывать, когда спрашивали, красивыми ли были те бабы. В подробности он не вдавался, достоинства женщин описывал двумя, тремя смачными словами, и глаза его в этот момент загорались. Егор слушал открыв рот, а Евсеич назидательным тоном поучал, – рано тебе о таком слушать, не поймёшь ещё. Видишь, вот со школы сбежал, а так, тоже мог бы многого в жизни достичь...

– Одного честного человека за всю жизнь и встретил, – задумался Евсеич, – только никто не говорил, что он честный. Все считали его дураком. Он был председателем облисполкома, генерал-лейтенант в отставке. Жил с женой на свою пенсию, а всю зарплату председателя облисполкома переводил в Детский дом. Своих детей у них не было. Его все не любили... Ладно, всё мужики, расходишь, мастер идёт.

До исполнения 16 лет, рабочий день Егора длился всего 4 часа. Закон не позволял малолеткам работать дольше. Но и эти часы были нестерпимым наказанием. Рабочий день начинался в 7 утра. Чтобы успеть доехать на городском автобусе, приходилось вставать в 5:30. И вот уже Егор снова опоздал.

– Нужно вставать заранее, – отчитывал Наставник, – и думать головой, что делаешь.

– Я и так встаю заранее, это автобус иногда запаздывает.

– А ты встань ещё раньше, чтобы спокойно, с пониманием идти на работу.

– Тогда мне придётся встать в 5 часов утра, у автобусов такое расписание.

– А как же я, за 20 лет ни разу не опоздал? Если нужно, то я и в 4 часа встану. И тебе надо привыкать, если хочешь стать настоящим рабочим человеком, а не каким-то, босяком.

Наставник действительно никогда не опаздывал. Когда бы Егор не пришёл, Наставник уже был в цеху. Казалось, что он никуда и не уходил. Не зря же на доске почёта висит.

– Товарищи! Товарищи! – громко зывал начальник цеха, – попрошу всех подойти сюда! Объявление, товарищи! Минуточку внимания! Ну, давайте, давайте поживее, поактивнее товарищи! – рядом с начальником цеха стоял милиционер с папкой в руках, – ну что, все собрались? Можно начинать? Минуточку внимания! Сейчас перед вами выступит сотрудник райотдела милиции! Попрошу, Вам слово, товарищ.

– Товарищи! – милиционер выступил вперёд, – обстановка в городе, беспокойная, товарищи! Сообщу вам не для паники, а по необходимости. Произошли, уже не единичные случаи бандитизма, с применением огнестрельного оружия. Оружие, товарищи, самодельное! Это тревожит. Такое оружие можно сделать, только в таком цеху, как ваш, товарищи! Возможно, оно делается на ваших глазах, на соседнем станке! От имени райотдела милиции, прошу обратить на это внимание! Проявите сознательность, товарищи! Преступность не дремлет! Её нужно пресечь. Если, что-то подозрительное вдруг, или случайно, увидите, просьба немедленно сообщить начальнику цеха, или в ближайшее отделение милиции! Не бойтесь товарищи, если имеются такие факты, можете сообщить прямо сейчас! Если есть вопросы, спрашивайте, не стесняйтесь!

– Чего за оружие-то? Типа, самопал какой-то? – крикнул кто-то из глубины цеха.

Нет, товарищи! Это не игрушки. Оружие типа – пистолета с элементами автоматике. Очень, знаете ли хорошее, если можно так сказать, оружие! Бьёт, товарищи, не хуже фабричного! Для изготовления такого оружия нужно оборудование, которое, как говорится, на дороге не валяется, товарищи! Ещё вопросы есть? Ну, если нет, до свидания, товарищи! Мне ещё на первый этаж надо.

– Всё, всё, расходимся! – махнул рукой начальник цеха, – работать, работать!

Обсуждая новость народ начал расползаться по своим местам. До чего дошло, оружие делают...

Глава четвертая

Изобретательность

– Прогресса, я у тебя, что-то не наблюдаю, – Наставник строго посмотрел на Егора, – в общем, так, сегодня будешь работать на штамповке, в соседнем цеху, там работник не вышел.

Егора частенько отправляли то подметать, то таскать, или кого-то заменять. Это было лучше, чем пилить болванку. Угнетало лишь понимание, что никакая это ни учёба, и слесарем он так никогда и не станет.

Штамповать не пришлось, требовалось ровнять. В огромном железном ящике, внавалку лежали стальные кружки, сантиметров по 12 в диаметре и толщиной в палец. Егор потрогал кружки, зачем постучал одним о другой. Никакого следа не осталось. Кружки были твёрдыми, тяжёлыми и испачканными маслом. В результате вырубки, они стали выпуклыми, с неровными краями. С этим их недостатком и нужно было бороться, просто плющить. Кладёшь кружок на пресс и нажимаешь педаль. Удар – огромный 100 тонный пресс легко справился с задачей. Кружок стал плоским. Берёшь следующий кружок. Удар – готово. И пошло, и пошло. Работа не сложная, главное, руки прессом не отдавить.

После первой сотни кружков, за каждым из которых приходилось наклоняться, спина заняла. А нельзя ли класть сразу по два кружка? Глупо ведь ровнять по одному, если можно сразу два. Положил два, один на другой. Это оказалось непросто, выпуклые кружки скользили, не хотели ложиться друг на друга, но Егор изловчился. Удар – готово! Получилось сразу два. Удачно повторив процедуру ещё раз пятьдесят, Егор подумал, а нельзя ли положить сразу три кружка? Удар – готово! Какого лешего не сказали, что можно брать сразу по три, это же в три раза быстрее. Удар – готово. Но и это было утомительно. Каждый раз наклоняться, затем ровнять кружки в столбик, а они упрямо расползаются. Тупая работа, скорей бы закончить... Удар – раздался треск, как от выстрела. Один кружок куда-то исчез, испарился. Как так? Поразмыслив, Егор пришёл к выводу, что скорее всего средний из трёх кружков, сполз и при ударе выскользнул.

Он осмотрелся по сторонам, но за шумом цеха ничего необычного не услышал и не заметил. Охватило смутное беспокойство, куда девался кружок. Где искать? Кругом станки, оборудование, люди. Диск мог попасть в человека. Однако всё вокруг было спокойно, цех работал. Никто ничего не заметил. Охватившее волнение не проходило. Егор не нашёл ничего лучшего, как уйти из цеха, где как раз начинался обеденный перерыв. Он слонялся по заводу размышляя, стоит ли об этом сообщать. Так ничего и не придумав, Егор вернулся обратно в цех.

Возле стены, метрах в двадцати от пресса, на котором работал Егор, мастер со штамповки и один из рабочих рассуждали, как и зачем стальной диск мог оказаться в стене. Егор подошёл и разглядывал вместе с ними, делая вид, что ничего про это не знает. Вытащить диск, спрятавшийся в стене больше, чем наполовину, руками не удавалось. Пришли к выводу, что кроме как проделками инопланетян, объяснить это явление, невозможно. К прессу Егор подходить боялся, и сославшись на необходимость срочно пилить болванку, пошёл в свой цех. Только сейчас до него дошло, что диск вполне мог полететь и в него, и если бы это случилось, он без сомнений прошёл бы насквозь. От страха, Егору срочно захотелось в туалет. Вскочив туда с разбегу, напугал двух мужиков. Один держал надетую на палку бобину с тонким кабелем, а другой, подняв руки, крутился вокруг своей оси, наматывая кабель на тело. Но увидев, что Егору не до них, мужики успокоились и продолжили своё дело. Процесс был не быстрым.

– Эй пацан, посмотри, не видно? На проходной, не заметят? – мужик, на которого наматывали кабель уже надел пальто, когда Егор вылез из кабинки.

– Не заметят, – Егор задумался о своём и ответил не сразу.

– Слышь, пацан, если кому сболтнёшь, мы тебя найдём. Усёк? – по-своему понял паузу намотанный мужик.

– Усёк, – по спине поползли мурашки. Мужики – здоровые, лица злые, глаза холодные, утопят тут же в унитазе. Егор уже просто хотел пилить свою болванку, приключений на сегодня было достаточно.

Вернувшись в цех, наткнулся на мастера. Тот был недоволен, что Егор, оказывается, не был у зубного врача, который принимает в соседнем корпусе. А там, всех отмечают по списку, и мастеру уже позвонили про всех, кто уваливает.

– У меня зубы не болят.

– У тебя никто не спрашивает, болят они у тебя или нет. Ты в списке! Марш к зубному!

В зубоучебном кабинете рядом стояли сразу два кресла, в которых извивались пациенты. Живая очередь, в ожидании лечения была тут же рядом, перед открытыми дверями набиралась страха, наблюдая, как под жужжание древних, потемневших от старости бормашин, корчатся их жертвы. Шум перекрикивали не только пациенты, но и две женщины в белых халатах. Они бойко обсуждали новости, покупки, и недостатки мужчин. Около часа, Егор вздрагивал от этих звуков, и наконец оказался в кресле, будучи уже полностью деморализованным и неспособным к сопротивлению. Женщина на каблуках, с ярко накрашенными губами, почти не глядя наощупь определила, где сверлить. Таская жужжащим бором голову Егора по подголовнику кресла, она продолжала безостановочно разговаривать с другой, такой же врачихой. Странно было, что они разговаривали одновременно, хотя казалось, что обращаются друг к другу. В этот день Егор пришёл домой на час позже, а свежевылеченный зуб, за ужином раскололся надвое.

– Хорошо, что у вас на заводе зубной врач есть, – сказала мама, – прямо с утра к нему и иди!

Но Егор не пошёл потому, что боялся. И маме не сказал потому, что боялся, что мама будет недовольна.

Глава пятая

Красная икра

Так проходил день за днём. Егор снова плохо пилил, плохо убирал верстак соседа, и по-прежнему стремился в курилку. Только там, он чувствовал себя человеком. Только там было что-то новое, интересное.

– Привет, тебя как зовут? – первым спросил Егор.

В курилке никого не было, кроме, с важным видом дымившего и плевавшегося, судя по возрасту, того самого второго пятнадцатилетнего, сына погибшего милиционера, о котором говорил Наставник.

– Фёдор, – протянул руку мальчишка, – А ты, Егор? Я тебя видел. Ты, как на заводе оказался?

– Меня отец устроил.

С минуту сидели молча. Какая-то женщина, увидев двух мальчишек в курилке, один из которых с важным видом выпускал клубы дыма, посоветовала бросать дурное дело, и не портить здоровье смолоду. На что Фёдор, её едва ли не обматюкал, – мужа своего поучи!

– А у меня отца нет. Умер.

– А это правда, что его убили?

– Уже рассказали? Да, убили... Он в милиции служил...

– А у него пистолет был?

– Был.

– Как же так получилось?

– Он на машине ехал, один. Человек поперёк дороги лежал. Отец подумал, помощь нужна. Вышел, подошёл к нему, а тот выстрелил...

Через неделю, Фёдор, и ещё какой-то пацан из другого цеха, отлупили Егора в раздевалке.

– За что? Что я вам сделал!? – Не понимая, что происходит, Егор забился в угол, закрыл голову руками, и даже не пытался отбиваться.

– Икру жрёшь? На тебе! Получи! – приговаривали мальчишки, пиная Егора руками и ногами.

Всегда с вечера мама готовила бутерброды для Егора. Всегда с колбасой или с сыром. А однажды сделала с красной икрой. Кто-то, в подарок родителям, привёз пол-литровую банку красной икры, и было подозрение, что она может испортиться, поэтому её нужно быстро съесть. Егор обнаружил икру только тогда, когда развернул бутерброды, сидя у своего верстака.

– Это что, икра? Дай попробовать, – казалось, Матрос увидел икру раньше, чем Егор.

– Пожалуйста, конечно, берите всё.

– Хорошо живёшь, – сказал Матрос, когда доел второй бутерброд, – с маслом икра – хорошо!

Теперь, Матрос без всякого повода, надо или не надо, везде говорил, что «этот сынок» всё время икру жрёт.

Придя домой с подбитым глазом, Егор попросил маму никогда больше не класть в бутерброды икру.

– Ты не понимаешь, – сказала мама, – ты же не высыпaeшь, тебе нужно хорошо питаться! А где это ты так упал? Вроде ещё не скользко. Спокойно нужно ходить, спокойно. А не бегать, как савраска ...

Глава шестая

Пальцами ног

– Представляете, этот псих повторял всё снова и снова, и всем с этим надоел, – в курилке, кто-то травил очередную байку, про якобы работавшего в соседнем цеху слесаря-ремонтника, которому по случаю достался старый Фольксваген-Битл, списанный из какого-то иностранного посольства.

Всё бы ничего, но машина не ехала. Включалась только задняя передача. Денег на новую коробку передач у него не было, денег вообще не было, да и достать такую коробку было негде. Поэтому, он взялся чинить сам. Постепенно научился снимать и разбирать коробку, и затем снова её собирать. Можно сказать, что почти получилось. Теперь включались все передачи, кроме одной. Иногда не включалась задняя, иногда одна из передних, но всё время разные. Это наводило на мысль, что разгадка где-то рядом, что победа близка, и он продолжал искать.

Беда в том, что при каждой сборке нужны были помощники, двумя руками никак не удержишь рассыпающиеся шестерёнки. Нужно было просто подержать, всего несколько минут. Поэтому он привлекал всех, кого мог. Сначала друзей, а когда тем надоело, жену, дочку и тещу. Иногда он неделями не трогал коробку, а потом, как одержимый снова набрасывался на неё. Он уже окончательно надоел всем, кого знал. Любые встречи с друзьями, дни рождения и просто выпивка, всегда заканчивались одним и тем же, сборанием коробки. От него стали шараться знакомые, но коробка по-прежнему продолжала упрямо сопротивляться. Лишившись помощников, он научился собирать её в одиночку, без посторонней помощи, приспособив для этого перевернутую вверх ножками табуретку в качестве станка для сборки. Поскольку рук не хватало, он наловчился удерживать шестерёнки пальцами босых ног. Он повторял это снова и снова, каждый раз совершенствуя процесс, который уже стал напоминать цирковой номер, но коробка по-прежнему не сдавалась.

Однажды он услышал, что в Москве будет проходить выставка с участием Фольксвагена, где будут присутствовать инженеры концерна. Увидев в этом возможность посоветоваться со специалистами, что именно он делает неправильно, он в первый же день принёс коробку на выставку. Рассказав через переводчика о своей проблеме, в ответ услышал, что коробки подобного типа не ремонтируются, и вообще они одноразовые, неразборные. В случае поломки, что случается очень редко, коробку передач просто заменяют на новую. В условиях мастерской, собрать её невозможно потому, что на заводе для сборки используют специальную пластиковую форму, в которую сначала укладывают все шестерёнки, затем вставляют оси, а пластиковая форма растворяется, чуть ли не водой. Если такую коробку разобрать, то собрать её можно только на заводе, таким же способом.

Мужик понял, что немец не хочет раскрывать секрет и прямо сказал, что тот врёт, потому, что коробка разбирается, и он это делал многократно и может повторить прямо здесь, на выставке. Пришла очередь немца возмутится наглости русского вруна, и он потребовал это доказать.

Несите табуретку! Мужик привычно разулся, сбросил носки и на глазах немца и переводчика проделал всю операцию. То ли табуретка оказалась особенной, немецкой, то ли обстановка была соответствующей, но у собранной коробки наконец включились все передачи. Всё, в этот момент немцы перестали интересоваться мужика, он обулся и собрался уже уходить. Но его не отпускали. Охреневший немец, через переводчика просил трюк повторить, но мужика это не интересовало, ему очень хотелось попробовать установить коробку на его автомобиль. Немец стал обещать деньги и просил едва не на коленях. Договорились, что мужик принесёт

коробку ещё раз, но только если немец пообещает достать новые сальники, поскольку подходящих он сам найти не смог.

В назначенный день он снова принёс коробку на выставку, и даже для такого случая вымыл ноги и надел чистые носки. В этот раз собралось много немцев, в том числе не только с Фольксвагена, они фотографировали всю процедуру и шумно восхищались. А в конце подарили новые сальники и новую коробку передач, специально доставленную самолётом из Германии. Просили подарить им старую, говорили, что поставят её в заводском музее, вместе с фотографиями босоногого русского мужика. Но он так к ней привык, что отдать отказался наотрез, не смотря ни на что. «Одна коробка хорошо, а две лучше!»

– И не стыдно тебе? – Егор не заметил, как подошёл Наставник, – ты, где должен быть!? Тебя уже полчаса нет на рабочем месте! Я же тебя предупреждал, в курилке не сидеть! Что же ты лодырь такой, на мою голову?

И Егор снова пилил и пилил, и уже спилил едва ли не половину болванки, но прямой угол так и не получался. От железных опилок руки почернели, пальцы окрепли, но как Егор ни старался, даже простая плоскость получалась выпуклой.

Одним эта работа была хороша, когда пилишь, можешь думать, о чём хочешь. И Егор думал, мечтал. Зачем тому старому слесарю машина, куда ему на ней ехать. Сидел бы дома с женой и дочкой и никому бы не надоедал. Вот бы Егору машину, пусть самую старую. Он бы её вымыл и почистил, и конечно же, починил бы её. Пришёл бы на выставку и показал немцам, что машина у него не хуже новой. Он не стал бы унижаться перед немцами босыми ногами.

– Гнать тебя надо! Разгильдяй блатной! Ты ученик, так учись, а ты верстак убрать не можешь, бестолочь! – возмущался Матрос.

– Я убирал, я старался.

– Старался он! Я должен белым платком провести, и чтобы никаких следов, ни пятнышка! Пили болван, пили дальше!

Егор пилил, час за часом, день за днём.

Глава седьмая

Прощай оружие

– Егорка, спирта хочешь? Ребята достали, ты парень свой, угощайся. Не бойся он уже с водой, разбавленный, – парень, которого Егор давно уже видел в курилке и не раз угощал сигаретами, улыбаясь, показывал спрятанный за пазухой стакан...

Спирт достать было несложно. В цеху, только ленивый не делал кухонные ножи из использованных и ломаных пил, которыми, на специальном станке пилили стальные болванки. Тонкие, не тупящиеся, вечные ножи были невероятно популярны среди домохозяек. Иногда их украшали наборными ручками, сделанными из обломков пластмассы разных цветов. Такие ножи были лучшим подарком. Ничего подобного в магазинах не продавалось. На заводе трудились тысячи женщин, в том числе там, где был спирт, и не было среди них той, которая не отлила бы его за такой нож. А ещё в ходу были набойки на каблуки, особенно на шпильки. Их можно было сделать «вечными», из калёной стали, или красивыми, из бронзы.

Однажды увидев, как мама режет мясо, Егор подумал, что нужно сделать для неё нож. Как получится, он не знал, опыта не было. Поэтому заранее не хвастал, решил сделать подарок к мамину дню рождения. Подобрал из мусора подходящий обломок пилы, он на наждаке придал ему нужную форму и даже уже почти закончил ручку. Осталось заточить и отполировать. Нож получался, вполне приличный.

– Оружие делаешь? – изо рта Матросы пахнуло луком, а глаза горели благородным блеском.

– Какое ещё оружие? Это просто нож, подарок.

– Это ты в милиции расскажешь! Это же, они по твою душу, приходили сюда! Расскажешь негодяй, никуда не денешься, что за оружие, и кто заказал такой «подарок!», – глаза Матроса сузились, – или, это ты сам вооружаешься? Подлец! В колонию пойдёшь, раз по-человечески не понимаешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.